

Этнокультурные особенности в представлениях о семье как ресурсе жизнеспособности у русской и бурятской молодежи

Махнач А.В.

**ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН «ИП РАН»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2231-1788>, e-mail: makhnach@ipran.ru**

Сараева Н.М.

**ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» (ФГБОУ ВО ЗабГУ),
г. Чита, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4946-8360>, e-mail: saraiewa@mail.ru**

Дагбаева С.Б.

**ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» (ФГБОУ ВО ЗабГУ),
г. Чита, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1696-2370>, e-mail: soela@bk.ru**

Лактионова А.И.

**ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН «ИП РАН»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9682-2142>, e-mail: apan@inbox.ru**

Суханов А.А.

**ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» (ФГБОУ ВО ЗабГУ),
г. Чита, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2062-9642>, e-mail: suhanob-71@mail.ru**

Цель. Сравнительный анализ представлений русской и бурятской молодежи (от 15 до 24 лет) о семье как ресурсе жизнеспособности молодых людей.

Контекст и актуальность. Влияние семьи на жизнеспособность человека опосредствовано культурным, этническим контекстами. Сравнительный анализ представлений о семье как ресурсе жизнеспособности молодежи, обусловленных принадлежностью семей к разным культурам — более коллективистской (буряты) и более индивидуалистической (русские), позволит уточнить этнокультурные особенности жизнеспособности человека.

Дизайн исследования. Проведено сравнение представлений русских и бурятских респондентов о семье как ресурсе их жизнеспособности.

Участники. 109 русских и 98 бурятских студентов вузов и колледжа. Всего 207 человек.

Методы (инструменты). Использовались: фокус-группы, социально-демографическая анкета, Тест двадцати утверждений М. Куна, Т. Макпартленда, авторский вариант методики «Незаконченные предложения». На основе качественных данных фокус-групп о сущности жизнеспособности человека и ее компонентах сформулированы 9 незаконченных предложений, объединенных в 4 категории: «Жизнеспособность», «Семья», «Ценности», «Культура». Для количественной формализации качественных данных респондентов лексическая база ($n = 3921$ у бурят, $n = 4124$ у русских) обработана с помощью программы Atlas.ti (версия 9.5.6) и подвергнута сравнительному лексикографическому контент-анализу с оценкой частотности слов. Результаты визуализированы в виде облаков слов.

Результаты. Семантическое ядро в категории «Жизнеспособность» различно: слова *сам, способность* — у русских; *человек, способность* — у бурят. В ядре категории «Семья»: слова *человек, ребенок* — у русских; *хороший, любимый* — у бурят. Респонденты обеих групп говорят о высокой значимости семьи. У русских члены семьи равноправны, есть негативные характеристики семьи, у бурят отношения в семье нередко иерархичны, негативные характеристики отсутствуют. В ядре категории «Ценности» у русских слова: *семья, жизнь; семья, друзья* — у бурят. В ядре категории «Культура» слова: *много, традиция* — у русских; *важный, традиция* — у бурят. Выявлен интерес к народным традициям в обеих выборках. У русских традиции связаны с семьей, у бурят — с традициями народа. В высказываниях прослеживается оппозиция «я» (у русских) и «мы» (у бурят).

Основные выводы. Представления о семье как ресурсе жизнеспособности у русской и бурятской молодежи имеют этнокультурные особенности. Они определяются принадлежностью бурят к более коллективистской культуре и более индивидуалистической культуре — русских. Русская молодежь воспринимает семью как ресурс жизнеспособности, направленный на укрепление у них возможности самостоятельно справляться с трудностями и формирование «Я-идентичности». У бурятской молодежи семья как ресурс жизнеспособности укрепляет у них позицию «мы», способствующую развитию «Мы»-идентичности. Представления об этнокультурном контексте семьи как ресурсе жизнеспособности молодежи позволяют понять, как варьируется поддержка семьи молодому поколению.

Ключевые слова: молодежь; русские и буряты; жизнеспособность; семья; социальные представления; семья как ресурс; коллективистская и индивидуалистическая культура; ценности; традиции.

Для цитаты: Махнач А.В., Сараева Н.М., Дагбаева С.Б., Лактионова А.И., Суханов А.А. Этнокультурные особенности в представлениях о семье как ресурсе жизнеспособности у русской и бурятской молодежи // Социальная психология и общество. 2024. Том. 15. № 3. С. 108–125. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150307>

Ethnocultural Features in the Representations of Family as a Resource of Resilience among Russian and Buryat Youth

Alexander V. Makhnach

Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2231-1788>, e-mail: makhnach@ipran.ru

Nadezhda M. Sarayeva

Transbaikal State University, Chita, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4946-8360>, e-mail: saraieva@mail.ru

Soyelma B. Dagbayeva

Transbaikal State University, Chita, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1696-2370>, e-mail: soela@bk.ru

Anna I. Laktionova

Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9682-2142>, e-mail: apan@inbox.ru

Aleksey A. Sukhanov

Transbaikal State University, Chita, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2062-9642>, e-mail: suhanov-71@mail.ru

Objective. Comparative analysis of representations about family as a resilience resource among Russian and Buryat youth (15 to 24 years old).

Background. *The influence of family on human resilience is mediated by cultural and ethnic contexts. A comparative analysis of the concepts of family as a resource of youth resilience, due to the families belonging to different cultures — more collectivist (Buryats) and more individualistic (Russians), will help to clarify the ethnocultural features of human resilience.*

Study design. *A comparison was made of the concepts of family as a resource of resilience among Russian and Buryat respondents who support their resilience.*

Participants. *109 Russian and 98 Buryat university and college students. A total of 207 people.*

Measurements. *The following were used: focus groups, a socio-demographic questionnaire, the Twenty Statements Test by M. Kuhn and T. McPartland, and the author's version of the "Unfinished Sentences" method. Based on the qualitative data from focus groups on the essence of human resilience and its components, 9 unfinished sentences were formulated and combined into 4 categories: "Resilience", "Family", "Values", and "Culture". For quantitative formalization of the qualitative data of respondents, the lexical base ($n = 3921$ for Buryats, $n = 4124$ for Russians) was processed using the Atlas.ti program (version 9.5.6) and subjected to comparative lexicographic content analysis with an assessment of word frequency. The results are visualized as word clouds.*

Results. *The semantic core in the "Resilience" category is different: himself, ability for Russians; person, ability for Buryats. In the core of the "Family" category — person, child — for Russians; good, beloved — for Buryats. Respondents of both groups report the high importance of family. For Russians, family members are equal, there are negative characteristics of family, while for Buryats, family relationships are usually hierarchical, there are no negative characteristics. In the core of the "Values" category for Russians: family, life; family, friends — for Buryats. In the core of the "Culture" category: the word many, tradition for Russians; important, tradition for Buryats. Interest in folk traditions was revealed in both samples. For Russians, traditions are associated with family, for Buryats with the traditions of the nation. The statements show the opposition of "I" (for Russians) and "we" (for Buryats).*

Conclusion. *The ideas about family as a resource of resilience among Russian and Buryat youth have ethnocultural features. They are determined by the fact that the Buryats belong to a more collectivist culture and the Russians to a more individualistic culture. Russian youth perceive family as a resource of resilience, which is aimed at: strengthening their ability to cope with difficulties independently and forming an "I" identity. For Buryat youth, family as a resource of resilience strengthens their "we" identity, which contributes to the development of "We" identity. The idea of the ethnocultural context of the family as a resource of youth resilience allow us to understand how the family support for the younger generation varies.*

Keywords: *youth; Russians and Buryats; resilience; family; social ideas; family as a resource; collectivist and individualistic culture; values; traditions.*

For citation: Makhnach A.V., Saraeva N.M., Dagbayeva S.B., Laktionova A.I., Sukhanov A.A. Ethnocultural Features in the Representations of Family as a Resource of Resilience among Russian and Buryat Youth. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 3, pp. 108–125. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150307> (In Russ.).

Введение

Актуальность изучения проблемы жизнеспособности человека в современных социальных реалиях не требует долгого обоснования. В социальных, гуманитарных и медицинских науках жизнеспособность концептуализируется

как поддержание или быстрое восстановление социального, психологического и/или психического здоровья во время или после переживания невзгод.

В российской психологической науке за последние годы значительно увеличилось число исследований жизнеспособ-

ности человека. В них раскрыто содержание понятия, сформированы основные подходы к его изучению, рассмотрена структура жизнеспособности, проведена для целей исследований операционализация понятия и разработан отечественный диагностический инструментарий, представлена соответствующая эмпирика [12; 16; 17; 20 и др.]. Наши исследования базируются на социокультурном экологическом (А.В. Махнач, А.И. Лактионова) подходе к изучению человека, экопсихологическом подходе к развитию психики (Н.М. Сараева, А.А. Суханов) [12].

Культура, являясь элементом макросистемы (по Ю. Бронфенбреннеру) экологии человека, рассматривается как фактор жизнеспособности, содействующий адаптации в ответ на стрессы посредством обращения к культурным истокам, традициям [23]. Акцент на культуре в экологическом подходе к изучению жизнеспособности человека подчеркивает важность интерпретации этого феномена через призму антропологии, которая помещает людей в более широкий контекст и подчеркивает способность человека и его окружения защищаться от последствий невзгод [28]. В исследованиях жизнеспособности человека «следует также учитывать, что различающиеся культурные контексты могут обуславливать разные факторы стресса, требовать соответствующих факторов жизнеспособности, которые необходимо развивать другими, более подходящими способами» [24, с. 2]. В поликультурном многонациональном российском обществе внимание к этнокультурному вкладу каждого народа в жизнеспособность социума в целом и отдельной личности имеет особое значение, поскольку сегодня «на передний план выходят вопросы трансформации субъективности в связи с глобальными изменениями современной культуры, тран-

зитивностью общества и усложнением социокультурной реальности» [4, с. 5].

Несмотря на постоянные трансформации в обществе, культурные и этнические особенности остаются достаточно инертными сферами жизни и изменяются медленно. В настоящее время все чаще обращается внимание на силу и живучесть этнического самосознания, выдерживающего натиск глобализма с его игнорированием интересов национальных государств и культур. Глобализация вынужденно сворачивает свое вмешательство в дела национально ориентированного, и часто в этом самодостаточного общества, которое демонстрирует возрастание интереса к собственной культурной и национальной уникальности.

В этнопсихологии достаточно часто проводятся сравнительные исследования нескольких национальных выборок [3; 10; 19; 22]. Так, в работе Н.М. Лебедевой отмечается преобладание ценности индивидуализма и личностной активности в русской выборке по сравнению с выборкой северокавказских студентов [10]. В.П. Войтенко и соавт. говорят о национальной специфике и российском типе индивидуализма [3]. Согласно общепринятой дихотомии, индивидуалистическая — коллективистская культуры, индивидуалистической может быть названа та, в которой индивидуальные цели ее членов не менее или более важны, чем групповые. В коллективистской культуре групповые цели преобладают над индивидуальными. Также считается, что высокие показатели коллективистских тенденций связаны, прежде всего, с сохранением семейно-клановых связей, которые организуют социальную структуру наряду с корпоративно-групповой, социально-экономической стратификацией.

Наше исследование направлено на поиск особенностей в представлениях

о семье как ресурсе жизнеспособности человека в более традиционной, коллективистской бурятской культуре и более индивидуалистической — русской. Отмечается, что «в этническом самосознании большей части бурят по-прежнему актуальным продолжает оставаться доминирование коллективистской, субэтнической психологии и общинности» [6, с. 18]. Бурятская семья характеризуется развитыми кровнородственными отношениями, патриархальностью. У детей целенаправленно формируется уважение к старшим, преданность родовым интересам, почитание родной земли и духов предков. «Традиции взаимной помощи крепко связывают человека с общностью, не позволяя во многом пасть как в нравственном плане, так и в социальном» [18, с. 492]. Опираясь на типологию культур М. Мид, «бурятскую традиционную патриархальную семью можно отнести к постфигуративной культуре, тысячелетиями сохраняющей свои нормы и обычаи» [21, с. 249]. Русская семья — меньшая по составу, часто нуклеарная; но в силу своей большей открытости, ориентированности на современные тенденции в укладе жизни, она более динамична и адаптивна к быстро меняющимся социальным условиям.

Относя русскую культуру к более индивидуалистической, а бурятскую — к более коллективистской и оценивая ее феномены с этой позиции, авторы не абсолютизируют эти понятия. На любую культуру влияет множество факторов, которые не учтены в данном исследовании, например, влияние на представления молодежи о семье как ресурсе жизнеспособности проживания в городе или селе.

В условиях трансформации национального уклада и традиций народов важно зафиксировать актуальное состояние представлений молодежи о се-

мье как ресурсе жизнеспособности, так как молодые люди продолжают транслировать полученный от родителей опыт далее. Социальные представления о семье и передача их из поколения в поколение позволяют индивиду сохранять свою идентичность, в широком смысле слова — социальную, а в узком — этническую. «Именно социальные представления (как форма коллективной памяти) сохраняют культурно-исторические модели и образцы семейных отношений (ядро представлений) и в то же время отражают изменения, происходящие в современном обществе» [7, с. 130]. Социальные представления (в концепции С. Московичи) трактуются как «особая форма коллективного обыденного сознания, основанного не только на научном знании, логическом, отрефлексированном познании мира, но и включающего отношение к окружающей действительности» [14, с. 6]. Социальные представления «позволяют, с одной стороны, сохранять традиции этого общества, а с другой — активно реагируют на все изменения, происходящие в нем» [9, с. 44]. В связи с этим социальные представления являются важным элементом жизни социальной группы, оказывают существенное влияние на человека.

Семья является медиатором между человеком и социумом. Она одновременно и универсальный, и культурно специфичный фактор жизнеспособности [28]. Принадлежность семьи к определенной культуре является «источником стабильности и поддержки, способом борьбы с проблемами повседневной жизни» [26, с. 32]. Именно в семье осуществляется первоначальная этническая социализация личности — усвоение ценностей, норм, традиций, исторического опыта народа, в том числе и его опыта жизнеспособности. В результате характеристики

жизнеспособности человека приобретают конкретные этнические особенности. Этнокультурный контекст позволяет связать жизнеспособность человека с его этнической идентичностью, социальными связями, семейными отношениями [27; 30]. Этническая идентичность отмечена как фактор, повышающий жизнеспособность молодежи [29].

В 2023 г. на первом этапе исследования нами был проведен сравнительный количественный анализ уровня жизнеспособности русской и бурятской молодежи, результаты которого показали, что большая часть респондентов обеих групп имеет высокий уровень жизнеспособности. При этом этнокультурные особенности определяют некоторые отличия в характеристиках их жизнеспособности [13].

Цель данной работы — проанализировать особенности представлений о семье как ресурсе жизнеспособности у русской и бурятской молодежи (15–24 лет).

Сформулирована следующая гипотеза исследования: существуют этнокультурные особенности в представлениях о семье как ресурсе жизнеспособности бурятской и русской молодежи, обусловленные принадлежностью к разным культурам — более коллективистской (буряты) и более индивидуалистической (русские).

Выборку исследования составили студенты вузов и колледжей Забайкальского края. Русских респондентов — 109 человек (средний возраст — $20,09 \pm 1,56$), выборка бурят составила 98 человек (средний возраст — $19,0 \pm 2,07$). Респонденты проживают в г. Чите, пос. Агинское. Этническая идентичность респондентов определялась по указанию ими своей национальности в бланках методик: социально-демографической анкете, тесте двадцати утверждений

М. Куна, Т. Макпартленда. Самоопределение национальности респондентов на основе самоидентификации соответствует принятым стандартам кросс-культурных исследований [5; 10].

Метод

В исследовании использованы: Тест двадцати утверждений М. Куна, Т. Макпартленда [25]: самоопределение респондентами своей национальности позволило распределить респондентов в две группы, русских и бурят. Далее респонденты заполнили социально-демографическую анкету, указав пол, возраст, место проживания, национальность и др.

Анализируя содержание социальных представлений, мы опирались на традиционные для изучения этого феномена методы: контент-анализ, проективный метод (методика незаконченных предложений) [1]. «Так как интерпретативный смысл социальных представлений актуализируется через речевые практики, тем самым исследование представлений возможно, прежде всего, посредством анализа устного или письменного дискурса, который и составляет основной источник получения данных о содержании, структуре и динамике социальных представлений» [8, с. 415].

Фокус-группы позволили собрать качественные данные о представлениях респондентов о жизнеспособности, семье как ресурсе их жизнеспособности, ценностях, традициях и культуре своего народа. Материалы фокус-групп анализировались с использованием концептуального контент-анализа посредством выделения категорий. Индикаторами (единицами анализа) служили слова, словосочетания, в которых прямо или косвенно указывалось на принадлежность к той или иной из категорий анализа (подробнее см.: [12, с. 91]).

Первичные данные фокус-групп позволили сформулировать 20 предложений (в анализ для этой статьи взяты 9 из них — по представленным ниже категориям), например: «Жизнеспособность для меня — это...», «Моя семья относится ко мне ...» и др. Респондентам предлагалось развернуто закончить эти 9 предложений.

Для количественной формализации качественных данных этой методики был проведен сравнительный лексикографический контент-анализ лексической базы ответов ($n = 3921$ в бурятской группе, $n = 4124$ в русской группе) с оценкой частотности слов, используемых для анализа социальных представлений.

Слова респондентов были унифицированы по лексической форме и визуализированы в виде облака слов (Wordcloud) программы Atlas.ti (версия 9.5.6). Прием создания облака слов позволил произвести их сортировку, определить наиболее частотные слова в каждой из анализируемых категорий. Чем выше частота слова, тем крупнее шрифт его написания в облаке, что помогло выделить и интерпретировать ядерные

слова в тексте, объяснять особенности представлений о семье как ресурсе жизнеспособности у русской и бурятской молодежи. Метод кодировки качественных данных в программе Atlas.ti уточнил количественные результаты, описанные ранее [13].

Респонденты обеих выборок говорят/пишут на одном языке — русском, но этническая идентичность служит своеобразным информационным фильтром для их лексикона. Содержание высказываний, частота употребляемых слов, относящихся к каждой категории анализа, помогают определить их значимость, а также различия в отношении к категории изучения.

Результаты

Представим результаты анализа материалов методики «Незаконченные предложения» в двух этнических группах респондентов (по категориям, выделенным для анализа в соответствии с целью статьи).

Представления о том, что такое жизнеспособность человека, у респондентов двух групп (категория «Жизнеспособность») во многом совпадают (рис. 1 и 2).

Рис. 1. Полное облако слов по лексической базе из 607 слов (слева) и облако 7-го порогового значения¹ (справа) по категории «Жизнеспособность» у русских

¹ В облаке с 7-м пороговым значением отображены слова, которые имеют частоту 7 и выше (количество вхождений слова в лексическую базу).

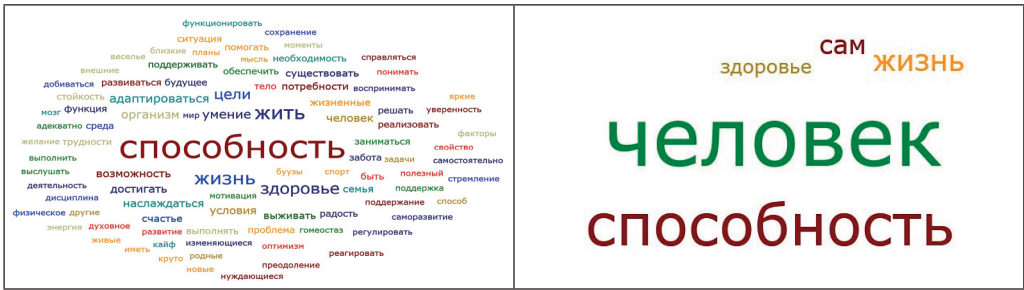

Рис. 2. Полное облако слов (слева) и облако 7-го порогового значения (справа) по категории «Жизнеспособность» у бурят: лексическая база — 629 слов

Наиболее частотные слова в полных облаках обеих выборок: *способность*² (33,44 ipm) [15], *жизнь* (222,49), *здоровье* (53,3). В пороговых облаках общее слово ядра — *способность* (33,44). Отличающиеся слова ядра — *сам* (242,17; русские), *человек* (307,25; буряты). В составе облака из 2 ядерных слов отмечаем, что семантическое ядро, формирующее нарратив респондентов двух выборок, образуют разные слова: *сам* — 26 (4,3%)³, *способность* — 23 (3,8%) — в русской выборке; *человек* —

38 (6,2%), *способность* — 35 (5,7%) — в бурятской.

По категории «Семья» (рис. 3 и 4) много общего в лексике представителей обеих выборок.

Общие слова в полных облаках: *ребенок*, *хороший*, *поддержка*⁴, *любимый*, *дружный*, *уважение*, *заботиться*, *родной*. Отличающиеся слова в полных облаках: *самый*, *понимание*, *группа* (русские); *сын*, *добрый*, *дочь*, *брат*, *опора*, *крепкий*, *помогать*, *большой*, *многодетный*, *сильный*, *сестра* (буряты).

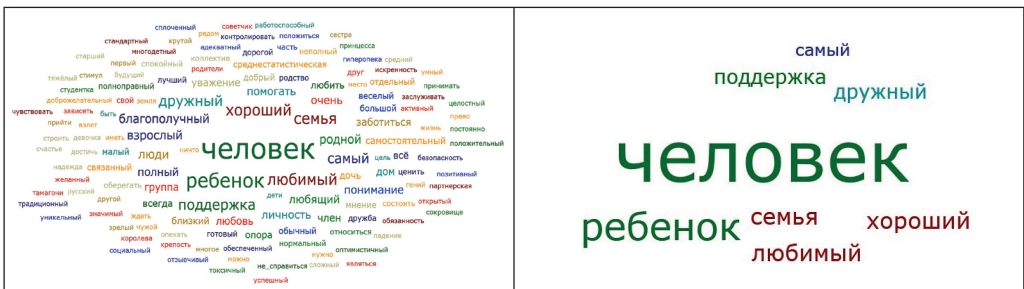

Рис. 3. Полное облако слов (слева) и облако 7-го порогового значения (справа) по категории «Семья» у русских: лексическая база — 375 слов

² Здесь и далее курсивом выделены без кавычек слова и высказывания из завершений респондентами незаконченных предложений.

³ Число упоминаний указанного слова (и процент от общего количества слов в лексической базе) [15].

⁴ Варианты этого и других приведенных слов не указываем.

Рис. 4. Полное облако слов (слева) и облако 7-го порогового значения (справа) по категории «Семья» у бурят: лексическая база — 363 слова

В пороговых облаках общие слова: *человек* (820,54 *ирт*), *ребенок* (59,22), *хороший* (70,39), *семья* (48,51), *любимый* (17,01), *дружный* (2,39). Отличающиеся слова: *поддержка* (8,14) — у русских; *сын* (144,56), *дочь* (97,64) — у бурят. В составе облака из 2 ядерных слов семан-

тическое ядро этой категории образуют слова: *человек* — 27 (7,2%), *ребенок* — 16 (4,3%) — в русской выборке; *хороший* — 24 (6,6%), *любимый* — 23 (6,3%) — в бурятской.

Особое внимание уделим категории «Ценности» (рис. 5 и 6).

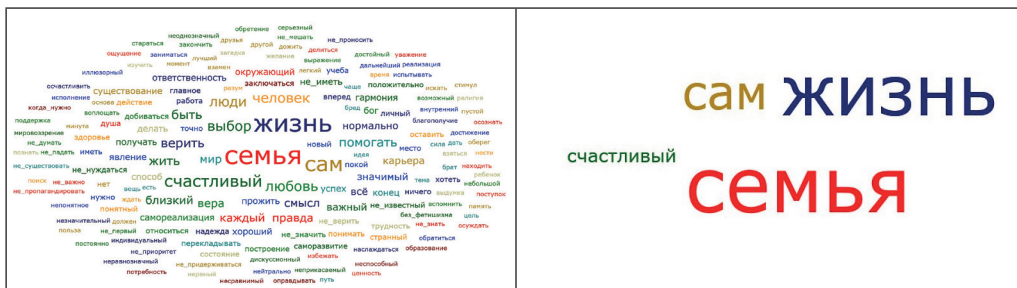

Рис. 5. Полное облако слов (слева) и облако 7-го порогового значения (справа) по категории «Ценности» у русских: лексическая база — 413 слов

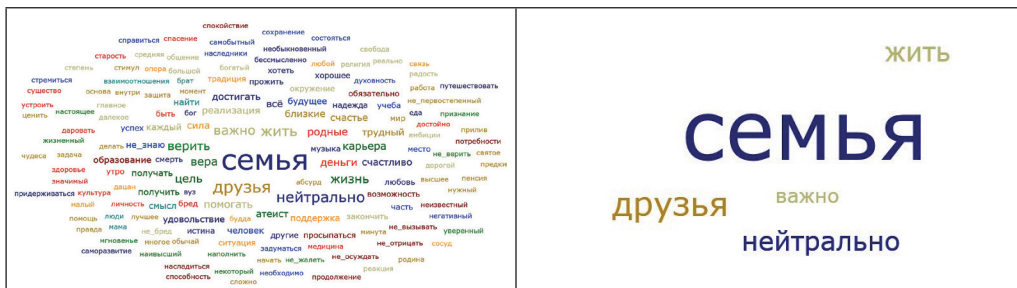

Рис. 6. Полное облако слов (слева) и облако 7-го порогового значения (справа) по категории «Ценности» у бурят: лексическая база — 332 слова

Общие слова в полных облаках: *семья, верить, близкие, помогать, счастливый*. Отличающиеся слова в полных облаках: *сам, любовь, выбор, смысл, правда* (у русских); *друзья, вера, цель, родные, достигать* (у бурят). Общие слова в пороговых облаках: *семья, жизнь*. Отличающиеся слова в пороговых облаках: *сам* (646,46 ipm) — у русских; *друзья* (61,89), *важно* (79,53), *нейтрально* (0,49) — у бурят. В составе облака из 2 ядерных слов эту категорию образуют слова: *семья* — 17 (4,1%), *жизнь* — 16 (3,9%) — в русской выборке; *семья* — 27 (8,1%), *друзья* — 12 (3,6%) — в бурятской.

Важнейшая категория анализа, связанная с семьей, — «Культура» (рис. 7 и 8).

Общие слова в полных облаках: *традиция, интересный, праздник, новый год, сагаалган*⁵, *обычай*. Отличающиеся слова в полных облаках: *семья, большой, соблюдаться, народ* (у русских); *уважение, главный, старший, почитание* (у бурят). Общие слова в пороговых облаках: *важный* (19,29 ipm), *традиция* (8,84). Отличающиеся слова в пороговых облаках: *семья* (48,51) — у русских; *сагаалган* (0,01), *очень* (1402,43) — у бурят. В составе облака из 2 ядерных слов категории «Культура» слова: *много* — 38 (5,3%), *традиция* — 29 (4,0%) — в русской выборке; *важный* — 50 (7,7%), *традиция* — 35 (5,4%) — в бурятской.

Рис. 7. Полное облако слов (слева) и облако на уровне 7-го порогового значения (справа) по категории «Культура» у русских: лексическая база — 718 слов

Рис. 8. Полное облако слов (слева) и облако на уровне 7-го порогового значения (справа) по категории «Культура» у бурят: лексическая база — 646 слов

⁵ Сагаалган — праздник Белого месяца, Новый год в буддистской традиции.

Обсуждение результатов

Лексикографический контент-анализ позволил выделить как универсальные, надкультурные, так и отличающиеся, культурно обусловленные представления респондентов о семье как ресурсе их жизнеспособности, увидеть оценку значимости семьи представителями русской и бурятской молодежи.

Так, по первой категории «Жизнеспособность» в обеих национальных группах обнаружены следующие особенности. Для русских это способность *восстанавливаться, выживать, приспосабливаться, преодолевать трудности* с акцентом на слове *сам* (*когда человек может жить один, сам себя обеспечивать и защищать*). В бурятской выборке слово *сам* не выделено. И если в русской выборке четко прослеживается опора на себя — *уметь, мочь*, то в бурятской нет конкретной соотнесенности (за счет чего, кого?). Родовая консолидация и глубинные родоплеменные связи составляют основу мировосприятия бурят. Даже при употреблении одинаковых слов русскими и бурятами содержание высказывания позволяет увидеть нюансы, отличающие трактовку значения этой категории. Респонденты, употребляя одни и те же слова, актуализируют неодинаковые, более предпочтительные для них, контекстные связи. С нашей точки зрения, эти особенности опосредованы принадлежностью респондентов к разным культурам — коллективистской (буряты) и более индивидуалистической (русские). «Р. Хоуз связывал индивидуализм с такими показателями, как расчет на себя, отдаленность от группы, предпочтение индивидуальных, а не коллективных действий» [3, с. 75]. В другом исследовании авторы отмечают, что «если мы считаем себя независимыми и самостоятельными, ценим личное признание и достижения, мы принадлежим

к индивидуалистической культуре. Если мы осознаем себя как часть большой группы, ценим близость и гармонию с другими людьми, то мы принадлежим к коллективной культуре» [2, с. 148].

По категории «Семья» респонденты обеих выборок говорят о ее высокой значимости для себя. Называют свои семьи *благополучными, дружными, хорошими, любящими, заботливыми*. Семья — *опора, поддержка, обеспечивает защиту, безопасность* (рус.: *без нее я бы не справилась*; бур.: *родители — моя опора; семья — крепость*). Она *советует, контролирует, оберегает*. Однако семантическое ядро, формирующее нарратив респондентов двух выборок, образуют разные слова: *человек, ребенок* — в русской выборке; *любимый, хороший* — в бурятской. Отметим, что у русских в первую очередь *человек* отражается как личность: *семья относится ко мне как к взрослому, с уважением; как к человеку со своими правами*. В представлении русских респондентов позиции членов семьи равноправны. Отношения с семьей, хотя о них говорят сдержанно, очень важны: это *безопасность, место любви*. Но говорится и о том, что семья *сложная, неполная*. Есть негативные характеристики семьи: *чужая, токсичная, тяжелая*.

Количество высокочастотных позитивных слов о семье в данных бурятской выборки больше, чем в русской; негативных характеристик семьи в облаках бурят нет. Буряты более эмоционально говорят о семье: семья — это *самое ценное в моей жизни; бесценное; это спасение*. Бурятская семья *крепкая, сильная, связанная с природой*. Такие характеристики семьи, по нашему мнению, свидетельствует о глубинной ее значимости для бурят. Она *добропорядочная, консервативная, авторитетная*. Чаще, чем у русских, звучит, что семья бурят — *полная, большая*,

многодетная, многопоколенная. Респонденты неоднократно называют конкретные семейные роли: *сын, брат, сестра, внук.* Вышеперечисленные особенности также можно объяснить принадлежностью респондентов к разным культурам. В исследованиях показано, что «при ответе на вопросы теста Куна и Макпартленда “Кто Я?” представители коллективистских культур склонны отвечать в терминах социальной принадлежности “я — сын, я — студент”, а в индивидуалистических — в терминах личностных особенностей (“я — творческий человек”, “я — добрый”)» [11, с. 31].

По результатам исследования можно заключить, что респонденты, независимо от их этнокультурной принадлежности, считают семью значимым ресурсом их жизнеспособности. Этнокультурные особенности бурятской семьи (родоплеменные и межпоколенные связи, иерархическая структура, прочные поддерживающие отношения, сложившийся уклад жизни, большее число членов) делают ее более устойчивой в кризисные периоды жизни, что вносит значительный вклад в обеспечение жизнеспособности молодежи.

Говоря о роли семьи как ресурсе жизнеспособности молодежи, необходимо подчеркнуть значение ценностного компонента в семейной жизни. В полных облаках обеих выборок по категории «Ценности» центральное место занимает слово *семья*, что свидетельствует о значимости семьи и для русских, и для бурят: важна любовь к семье и близким (у русских: *чтобы я и мои близкие ни в чем не нуждались и были счастливы; семья, карьера;* у бурят: *смысл — мои наследники; семья, друзья, родственники; мама, брат*). Но буряты говорят о важности семьи почти в два раза чаще, чем русские (38 упоминаний — у бурят, 18 — у русских). Буряты включают в ядро представлений семью и

друзей. У русских ядро вновь включает в себя *сам — собственные усилия жить достойно, оставить память, преодолеть себя.* Для русских смысл — это *правда, собственные усилия: просто жить, помогать другим.*

Таким образом, в категории «Ценности» вновь прослеживается оппозиция «я» у русских и «мы» у бурят.

Анализ категории «Культура» показал, что народные традиции важны большей части респондентов в обеих выборках. Традиции — это *память народа.* В них *отражена большая сила и великая история.* При этом главное отличие в пороговых облаках обеих выборок — это присутствие у русских слова *семья.* С нашей точки зрения, это свидетельствует о том, что у них, в отличие от бурят, традиции, в первую очередь, семейные (*были привиты моей семьей; семейные праздники*). Тогда как у бурят — скорее, традиции народа. Это хорошо прослеживается на примере праздников — Нового года у русских и Сагаалгана у бурят, которые упоминаются в облаках с 7-м пороговым значением в двух выборках. Праздник Сагаалган является одним из важных контекстов актуализации национальной идентичности бурят. У русских Новый год, являясь традиционным праздником, не ассоциируется с народными обычаями и скорее отражает семейные традиции его отмечающих.

Национальные традиции известны и нравятся большинству бурят. Бурятская семья культивирует их последовательнее, чем русская. У бурят *богатая история и сильная историческая память, много традиций, которые сплавляют народ.* В них *есть все для меня.* В культуре моего народа... *я чувствую себя в спокойствии, защищенности.* Принято *почитать своих родителей, уважать старших и уступать им во многом; беречь семью.*

Приверженность ценностям родной культуры, в которую «вписана» семья, принятие семьей народных традиций и обычаев свойственно молодежи обеих групп. И русские, и буряты положительно относятся к семейным традициям своей культуры. При этом буряты, по сравнению с русскими, знают больше национальных традиций и конкретных обрядов, чаще соблюдают их, участвуют в них. Им больше свойственно стремление сохранять этническую идентичность.

Русские, отмечая, что гордятся своей культурой, давая ей высокую оценку, имеют не столь выраженную внешне связь с народными традициями. Воспитание в русских семьях не центрировано на их соблюдении. Восприятие культуры русской молодежью менее эмоционально значимо, чем у бурятской молодежи. Вклад народной культуры в представления русской молодежи о семье как ресурсе жизнеспособности не так отчетлив, как у бурятской.

Заключение

Исследование показало, что представления молодежи о семье как ресурсе ее жизнеспособности имеют этнокультурные особенности, определяемые принадлежностью бурятской выборки к более коллективистской культуре, русской — к более индивидуалистической. Эти особенности, в первую очередь, проявляются в том, что у русских респондентов представление о семье как ресурсе жизнеспособности связано с укреплением у них возможности действовать и справляться с трудностями самостоятельно («я сам»), направлено на формирование «Я»-идентичности». Для бурятских респондентов семья воспринимается как ресурс жизнеспособности, направленный на укрепление у них по-

зиции «мы», способствующей развитию «Мы»-идентичности.

Можно предположить, что эти особенности связаны и с транслируемым бурятской семьей стремлением сохранять этническую идентичность молодых людей (как расширенное «Мы»), в то время как сохранение этнической идентичности как ресурса жизнеспособности не задействуется русскими в полной мере. Но этот факт предполагает наличие более сложных причинно-следственных связей, в которых свою роль играет в том числе и принадлежность русской молодежи к доминирующему этносу. Но так как объяснение этого феномена не входит в задачи нашего исследования, мы можем ограничиться предположениями.

Перспективой дальнейшей работы может стать изучение факторов, влияющих на социальные представления о ресурсах жизнеспособности, не только в выборках русской и бурятской молодежи, но и в других национальных когортах. Также значим вопрос воспроизводства выявленных тенденций при увеличении эмпирической выборки, дополнительного разделения ее не только по национальности, но и по месту проживания респондентов (в городе/селе), по гендерному признаку.

Проблема представлений о семье как ресурсе жизнеспособности молодежи имеет несомненное теоретическое и практическое значение. Изучение специфики разных этнокультур в поликультурном обществе помогает направлять усилия на развитие жизнеспособности социума в целом. В практике представления о ресурсах семьи позволяют точнее ориентироваться в поиске компенсации их возможной недостаточности, варьировать способы поддержки, защиты молодого поколения.

Литература

1. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В., Лаврешкин Н.В. К вопросу об исследовании социальных представлений: взгляд со стороны // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 3. С. 8–25. DOI:10.17759/sps.2022130302
2. Борисова С.А., Крашенинникова Е.И. Понятие «индивидуального» и «коллективного» в контексте межкультурной коммуникации // Современные исследования социальных проблем. 2021. Т. 13. № 1-2. С. 144–151. DOI:10.12731/2077-1770-2021-13-1-2-144-151
3. Войтенко В.П., Соколов В.А., Лубский Р.А. Коллективизм и индивидуализм в России как предмет теоретической рефлексии // Философия права. 2019. № 3(90). С. 71–77.
4. Гусельцева М.С. Рождение субъективности из духа человекознания // Вопросы психологии. 2018. № 1. С. 3–15.
5. Денисова Г.С., Авдеев Е.А., Воробьев С.М. Конфликтогенные риски этнокультурных оснований идентичности студенческой молодежи: случай фронтального северокавказского региона // Регионоведение. 2024. Т. 32. № 2. С. 198–216. DOI:10.15507/2413-1407.127.032.202402.198-216
6. Доржиева Д.А. Субэтнос в процессе этнической консолидации бурят: автореф. ... дисс. канд. историч. наук. Улан-Удэ, 2005. 21 с.
7. Духова Л.И. Факторы формирования представлений о семье будущих учителей // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. № 4-1(24). С. 129–136.
8. Емельянова Т.П. Разработка понятия социального представления – новый этап в развитии концептуального аппарата социальной психологии // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. Е.А. Сергиенко, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 397–419.
9. Емельянова Т.П. Социальное представление – понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 6. С. 39–4
10. Лебедева Н.В. Кросс-культурные особенности отношения российской молодежи к инновациям // Молодые москвичи. Кросс-культурное исследование / Отв. ред.: М.Ю. Мартынова, Н.М. Лебедева. М.: РУДН, 2008. С. 9–40.
11. Лопухова О.Г. Психология этнического самосознания и межкультурного общения. Казань: Бриг, 2015. 124 с.
12. Махнач А.В., Микляева А.В., Сараева Н.М., Горьковая И.А., Лактионова А.И., Постылякова Ю.В., Суханов А.А. Жизнеспособность российской молодежи: социально-экологическая парадигма психологического исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2024. 286 с. DOI:10.38098/fund_24_0473
13. Махнач А.В., Сараева Н.М., Дагбаева С.Б., Лактионова А.И., Постылякова Ю.В., Суханов А.А. Сравнительный эмпирический анализ жизнеспособности русской и бурятской молодежи // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 2. С. 66–84. DOI:10.17759/sps.2023140205
14. Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 1. С. 3–18.
15. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.09.2024).
16. Нестерова А.А. Концептуализация жизнеспособности человека в современной психологии // Психология жизнеспособности личности: научные подходы, современная практика и перспективы исследований. Материалы методологического семинара / Отв. ред. Е.Ю. Бекасова. М.: Изд-во МГОУ, 2021. С. 54–61.
17. Постылякова Ю.В. Факторы жизнеспособности и факторы риска в образовательном пространстве вуза у студентов с разным уровнем индивидуальной жизнеспособности // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2024. Т. 9. № 1. С. 49–69. DOI:10.38098/ipran.opwr_2024_30_1_003

18. Ринчинова А.Ц. Особенности этнопедагогического воспитания детей в согласии с социальной средой у бурятского народа // Российская идентичность: Сборник материалов Всероссийского конкурса научно-исследовательских работ (Москва, 25 сентября 2023 г.). М.: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2023. С. 488–495.
19. Ростовцева В.В., Бутовская М.Л., Мезенцева А.А., Дашиева Н.Б., Короткова А.А. Культурные различия в мужском кооперативном поведении: кросс-популяционное экспериментальное исследование // История и современность 2023. № 4. С. 173–196. DOI:10.30884/iis/2023.04.07
20. Рьльская Е.А. Тенденции развития представлений о жизнеспособности профессионала: транспективный анализ // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2019. Т. 4. № 1. С. 28–45.
21. Цоктоева Р.Ю. Структура бурятской патриархальной семьи и трансформация внутрисемейных связей в современной культуре бурят // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 6–1. С. 248–251.
22. Этнопсихокультура личности и традиции бурятского народа / Под ред. Р.Д. Санжаевой. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та им. Д. Банзарова, 2024. 186 с.
23. Bhandari S., Alonge O. Measuring the resilience of health systems in low- and middle-income countries: A focus on community resilience // Health Research Policy and Systems. 2020. Vol. 18(1). Art. 81. DOI:10.1186/S12961-020-00594-W
24. Blessin M., Lehmann S., Kunzler A.M., van Dick R., Lieb K. Resilience interventions conducted in Western and Eastern countries – a systematic review // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022. Vol. 19(11). Art. 6913. DOI:10.3390/IJERPH19116913
25. Kuhn M.H., McPartland T.S. An empirical investigation of self-attitudes // American Sociological Review. 1954. Vol. 19. P. 68–76. DOI:10.2307/2088175
26. McCubbin L.D., McCubbin H.I. Culture and ethnic identity in family resilience: Dynamic processes in trauma and transformation of Indigenous people // Handbook for Working with Children and Youth. Pathways to Resilience Across Cultures and Contexts / M. Ungar (Ed.). Thousand Oaks: Sage Publications, 2005. P. 27–44. DOI:10.4135/9781412976312
27. Panter Brick C. Energizing partnerships in research to policy projects // American Anthropologist. 2022. Vol. 124(4). P. 751–766. DOI:10.1111/AMAN.13776
28. Ungar M. A commentary on Ehrlich et al. (2023): a resilience paradox for child development // The Journal of Child Psychology and Psychiatry and Allied Disciplines. 2024. Vol. 65(3). P. 365–368. DOI:10.1111/jcpp.1392
29. Wilcox L., Larson K., Bartlett R. The role of resilience in ethnic minority adolescent navigation of ecological adversity // Journal of Child and Adolescent Trauma. 2021. Vol. 14(4). P. 507–515. DOI:10.1007/s40653-020-00337-7
30. Zaretsky L., Clark M. Me, Myself and Us? The relationship between ethnic identity and hope, resilience and family relationships among different ethnic groups // Journal of Education, Society and Behavioural Science. 2019. Vol. 32(2). P. 1–14. DOI:10.9734/jesbs/2019/v32i230167

References

1. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Mel'nikova D.V., Lavreshkin N.V. K voprosu ob issledovanii sotsial'nykh predstavleniy: vzglyad so storony [Studying Social Representations: an Outsider's Perspective]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 3, pp. 8–25. (In Russ.). DOI:10.17759/sps.2022130302
2. Borisova S.A., Krashennikova E.I. Ponyatie «individualnogo» i «kollektivnogo» v kontekste mezhkulturnoj kommunikacii [The concept of “individual” and “collective” in the context of intercultural communication]. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem = Modern studies of social problems*, 2021. Vol. 13, no. 1-2, pp. 144–151. DOI:10.12731/2077-1770-2021-13-1-2-144-151 (In Russ.).

3. Voitenko V.P., Sokolov V.A., Lubsky R.A. Kollektivizm i individualizm v Rossii kak predmet teoreticheskoy refleksii [Collectivism and individualism in Russia as a subject of theoretical reflection]. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*, 2019, no. 3(90), pp. 71–77. (In Russ.).
4. Gusel'tseva M.S. Rozhdeniye sub"yektivnosti iz dukha chelovekozvaniya [The birth of subjectivity from the spirit of anthropology]. *Voprosy psikhologii = Questions of Psychology*, 2018, no. 1, pp. 3–15. (In Russ.).
5. Denisova G.S., Avdeev E.A., Vorobev S.M. Konfliktogennyye riski ehtnokulturnykh osnovaniy identichnosti studencheskoj molodezhi sluchaj frontirnogo severokavkazskogo regiona [Conflict-generating risks of the ethnocultural foundations of the student youth identity: the case of the frontier North Caucasus region]. *Regionologiya = Regionology*, 2024. Vol. 32, no. 2, pp. 198–216. DOI:10.15507/2413-1407.127.032.202402.198-216 (In Russ.).
6. Dorzhieva D.A. Subehtnosy v processe ehtnicheskoy konsolidatsii buryat: Avtoref. Dis. ... kand. istorich. nauk [Subethnic groups in the process of ethnic consolidation of the Buryats: author's abstract of thesis cand. sc. (History)]. Ulan-Ude, 2005. 21 p.
7. Dukhova L.I. Faktory formirovaniya predstavleniy o sem'ye budushchikh uchiteley [Factors in the formation of future teachers' representations of a family]. *Uchenyye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Notes. Electronic scientific journal of the Kursk State University*, 2012, no. 4-1(24), pp. 129–136. (In Russ.).
8. Emel'yanova T.P. Razrabotka ponyatiya sotsial'nogo predstavleniya — novyy etap v razvitii kontseptual'nogo apparata sotsial'noy psikhologii [The development of the concept of social representation is a new stage in the development of the conceptual apparatus of social psychology]. In Sergiyenko E.A., Zhuravlev A.L. (Eds.). *Razrabotka ponyatii sovremennoi psikhologii [The development of concepts of modern psychology]*. Moscow: Institut Psikhologii RAN Publ., 2018, pp. 379–419. (In Russ.).
9. Emel'yanova T.P. Sotsial'noye predstavleniye — ponyatiye i kontseptsiya: itogi poslednego desyatiletiya [Social representation — notion and conception: last decade summary]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2001. Vol. 22, no. 6, pp. 39–47. (In Russ.).
10. Lebedeva N.V. Kross-kulturnyye osobennosti otnosheniya rossijskoj molodezhi k innovatsiyam [Cross-cultural features of the attitude of Russian youth to innovation]. In M.Yu. Martynova, N.M. Lebedeva (Eds.). *Molodye moskvichi. Kross kul'turnoe issledovanie [Young Muscovites. Cross-cultural research]*. Moscow: RUDN University, 2008, pp. 9–40. (In Russ.).
11. Lopuhova O.G. Psihologiya ehtnicheskogo samosoznaniya i mezhkulturnogo obshcheniya [Psychology of ethnic identity and intercultural communication]. Kazan': Brig, 2015. 124 p.
12. Makhnach A.V., Miklyaeva A.V., Saraeva N.M., Gor'kovaya I.A., Laktionova A.I., Postylyakova Yu.V., Sukhanov A.A. Zhiznesposobnost' rossiyskoy molodezhi: sotsial'no-ekologicheskaya paradigma psikhologicheskogo issledovaniya [Resilience in Russian youth: socio-ecological paradigm of psychological research]. In: A.V. Makhnach (Ed.). Moscow: Institute of Psychology RAS Publ., 2024. 286 p. DOI:10.38098/fund_24_0473 (In Russ.).
13. Makhnach A.V., Saraeva N.M., Dagbaeva S.B., Laktionova A.I., Postylyakova Yu.V., Sukhanov A.A. Sravnitel'nyy empiricheskii analiz zhiznesposobnosti russkoy i buryatskoy molodezhi [Comparative empirical analysis of the Russian and Buryat youth resilience]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2023. Vol. 14, no. 2, pp. 66–84. DOI:10.17759/sps.2023140205 (In Russ.).
14. Moskovici S. Sotsial'noye predstavleniye: istoricheskii vzglyad [Social representation: a historical perspective]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 1995. Vol. 16, no. 1, pp. 3–18. (In Russ.).
15. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka (ruscorpora.ru) [National Corpus of the Russian Language] [Electronic resource]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (Accessed 10.09.2024). (In Russ.).
16. Nesterova A.A. Kontseptualizatsiya zhiznesposobnosti cheloveka v sovremennoy psikhologii [Conceptualization of human resilience in modern psychology]. In Ye.YU. Bekasova (Eds.). *Psikhologiya zhiznesposobnosti lichnosti: nauchnyye podkhody, sovremennaya praktika i perspektivy*

- issledovaniy. Materialy metodologicheskogo seminar [Psychology of personality resilience: scientific approaches, modern practice and research prospects. Materials of the methodological seminar]. Moscow: MGOU Publ., 2021, pp. 54–61. (In Russ.).
17. Postylyakova Yu.V. Faktory zhiznesposobnosti i faktory riska v obrazovatel'nom prostranstve vuza u studentov s raznym urovnem individual'noy zhiznesposobnosti [Resilience and risk factors in the educational space of a university among students with different levels of individual resilience]. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda = Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor*, 2024. Vol. 9, no. 1, pp. 49–69. DOI:10.38098/ipran.opwp_2024_30_1_003 (In Russ.).
18. Rinchinova A.Ts. Osobennosti etnopedagogicheskogo vospitaniya detey v soglasii s sotsial'noy sredoy u buryatskogo naroda [Peculiarities of ethnopedagogical education of children in accordance with the social environment among the Buryat people]. *Rossiyskaya identichnost': Sbornik materialov Vserossiyskogo konkursa nauchno-issledovatel'skikh rabot (Moskva, 25 sentyabrya 2023 goda) [Russian identity: Collection of materials from the All-Russian competition of scientific research works]*. Moscow: Moscow State University of A.N. Kosygin, 2023, pp. 488–495. (In Russ.).
19. Rostovtseva V.V., Butovskaya M.L., Mezentseva A.A., Dashiyeva N.B., Korotkova A.A. 2023. Kulturnye razlichiya v muzhskom kooperativnom povedenii: kross-populyacionnoe ehksperimentalnoe issledovanie [Cultural differences in male cooperative behavior: a cross-population experimental study]. *Istoriya i sovremennost' = History and modernity*, no. 4, pp. 173–196. DOI:10.30884/iis/2023.04.07 (In Russ.).
20. Ryl'skaya E.A. Tendentsii razvitiya predstavleniy o zhiznesposobnosti professionala: transspektivnyy analiz [The trends of development of ideas about the resilience of a professional: transpective analysis]. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda = Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor*, 2019. Vol. 4(1), pp. 28–45. (In Russ.).
21. Tsoktoeva R.Yu. Struktura buryatskoj patriarhalnoj semi I transformatsiya vnutrisemejnyh svyazey v sovremennoj kulture buryat [The structure of Buryat patriarchal family and transformation of intrafamily connections in modern Buryat culture]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Buryat State University*, 2012, no. 6–1, pp. 248–251. (In Russ.).
22. Etnopsikhokul'tura lichnosti i traditsii buryatskogo naroda [Ethno-psychoculture of personality and traditions of the Buryat people]. In R.D. Sanzhaeva (Eds.). Ulan-Ude. Buryat State University of D. Banzarov, 2024. 186 p. (In Russ.).
23. Bhandari S., Alonge O. Measuring the resilience of health systems in low- and middle-income countries: A focus on community resilience. *Health Research Policy and Systems*, 2020. Vol. 18(1), Art. 81. DOI:10.1186/S12961-020-00594-W
24. Blessin M., Lehmann S., Kunzler A.M., van Dick R., Lieb K. Resilience interventions conducted in Western and Eastern countries – a systematic review. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2022. Vol. 19(11), Art. 6913. DOI:10.3390/IJERPH19116913
25. Kuhn M.H., McPartland T.S. An empirical investigation of self-attitudes. *American Sociological Review*, 1954. Vol. 19, pp. 68–76. DOI:10.2307/2088175
26. McCubbin L.D., McCubbin H.I. Culture and ethnic identity in family resilience: Dynamic processes in trauma and transformation of Indigenous people. In M. Ungar (Ed.). *Handbook for Working with Children and Youth. Pathways to Resilience Across Cultures and Contexts*. Thousand Oaks: Sage Publications, 2005, pp. 27–44. DOI:10.4135/9781412976312
27. Panter Brick C. Energizing partnerships in research to policy projects. *American Anthropologist*, 2022. Vol. 124(4), pp. 751–766. DOI:10.1111/AMAN.13776
28. Ungar M. A commentary on Ehrlich et al. (2023): a resilience paradox for child development. *Journal of Child Psychology and Psychiatry and Allied Disciplines*, 2024. Vol. 65(3), pp. 365–368. DOI:10.1111/jcpp.1392

29. Wilcox L., Larson K., Bartlett R. The role of resilience in ethnic minority adolescent navigation of ecological adversity. *Journal of Child and Adolescent Trauma*, 2021. Vol. 14(4), pp. 507–515. DOI:10.1007/s40653-020-00337-7
30. Zaretsky L., Clark M. Me, Myself and Us? The relationship between ethnic identity and hope, resilience and family relationships among different ethnic groups. *Journal of Education, Society and Behavioural Science*, 2019. Vol. 32(2), pp. 1–14. DOI:10.9734/jesbs/2019/v32i230167

Информация об авторах

Махнач Александр Валентинович, доктор психологических наук, заместитель директора по научной работе, ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН «ИП РАН»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2231-1788>, e-mail: makhnach@ipran.ru

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной психологии, ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» (ФГБОУ ВО ЗабГУ), г. Чита, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4946-8360>, e-mail: saraiewa@mail.ru

Дазбаева Соелма Батомункуевна, доктор психологических наук, заведующая кафедрой теоретической и прикладной психологии, ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» (ФГБОУ ВО ЗабГУ), г. Чита, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1696-2370>, e-mail: soela@bk.ru

Лактионова Анна Игоревна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии, ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН «ИП РАН»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9682-2142>, e-mail: apan@inbox.ru

Суханов Алексей Анатольевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной психологии, ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» (ФГБОУ ВО ЗабГУ), г. Чита, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2062-9642>, e-mail: suhanob-71@mail.ru

Information about the authors

Alexander V. Makhnach, Doctor of Psychology, Deputy Director for Science, Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2231-1788>, e-mail: makhnach@ipran.ru

Nadezhda M. Saraieva, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Psychology, Transbaikal State University, Chita, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4946-8360>, e-mail: saraiewa@mail.ru

Soyelma B. Dagbayeva, Doctor of Psychology, Head of the Department of the Department of Theoretical and Applied Psychology, Transbaikal State University, Chita, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1696-2370>, e-mail: soela@bk.ru

Anna I. Laktionova, PhD in Psychology, Senior Research Fellow, Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9682-2142>, e-mail: apan@inbox.ru

Aleksey A. Sukhanov, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Psychology, Transbaikal State University, Chita, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2062-9642>, e-mail: suhanob-71@mail.ru

Получена 17.07.2024

Принята в печать 26.09.2024

Received 17.07.2024

Accepted 26.09.2024